

Дневник 1812 года А. Т. Болотова

Дневник 1812 года Андрея Тимофеевича Болотова* — один из уникальных письменных памятников первой Отечественной войны русского народа. Автор его — известный писатель-мемуарист XVIII столетия, первый русский ученый-агроном, создатель «чуда позапрошлого века» — большого пейзажного парка в городе Богородицке Тульской губернии, где Болотов свыше 20 лет был управляющим собственной волостью Екатерины Великой.

Дневник 1812 года, который вел А. Т. Болотов изо дня в день весь год, — это развернутая хроника тревожных дней прифронтовых уездов Тульской, Калужской и Московской губерний. Все, что довелось видеть и слышать в героическом 1812 году А. Т. Болотову, и нашло самое подробное освещение в его дневнике. Взволнованными строчками дневниковых записей, оценками, раздумьями, философскими рассуждениями он поведал не только дух времени, но и настроение, мнение народа, показал его беззаветную борьбу за честь и независимость Родины.

Нелестные в дневнике отзывы о «благословенном» Александре I, которого в 1812 г. Болотов и его современники называли «малодушным» и о котором в самые критические дни войны не было «ни духу, ни послушания», перекликаются с позднейшей пушкинской оценкой «плешивого щеголя», «нечаянно пригретого славой». Видимо, в этом причина того, что дневник остался неопубликованным в дни 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Не импонировали, конечно, приводимые разговоры о бездействии «нашей армии», причину которого современники Болотова связывали с ожиданием «важной перемены в правительстве, ибо все вообще: и войска, и народ негодовали и были недовольны государем». Но народ, отметил Болотов, «не дал себя ослеплять и Бонапарту, соображая его поступки с льстивыми словами». Как рассказывали Андрею Тимофеевичу, «все начальники» якобы были уже согласны на предложение Наполеона заключить мир, но «не согласились и воспротивились тому все солдаты», заявившие, что «хотят до последней капли крови драться, а не поддаваться французам».

Колоритным разговорным языком рассказывается в дневнике о повседневных делах и тревогах ближнего тыла кутузовской армии 1812 года, подготовке к эвакуации Тулы и Калуги, наборе ратников, небывалом патриотическом подъеме после пожара Москвы, борьбе с мародерами. Журнал свой А. Т. Болотов вел, по давней привычке, регулярно.

О тяжелом, по народным поверьям, дне, первом понедельнике 1812 г., оставил он довольно обстоятельную запись не только о себе, но и о ближайшем окружении.

«При начале сего года, — записал он, — по милости небесного моего отца и всегдашнего моего охранителя находился, несмотря на всю 73-летнюю старость, в довольных силах, здоровье и крепости душевной и телесной. Во-первых, не чувствовал я еще никакого в себе оскудения и мог думать и сочинять с толикой же способностью все как бы лет за 30 до сего времени, что и доказывали мне самые сочинения, в которых я от сего времени занимался, а во-вторых, не чувствовал далеко оскудения и был еще во всех отношениях здоров и одни только глаза за несколько месяцев до сего время побеспокоивали: все слиплись. Однако и то же Богу будучи благодарение, около сего времени от ежедневного купания их водой было гораздо лучше, так что я мог свободно писать и читать, а особливо писать: и днем, и при огне.

Относительно же до нравственного состояния, то мое, в особенности с 7 октября минувшего года, гораздо в лучшую сторону попеременялось, а поводом к тому были новейшие сочинения». Далее он отмечал, что все его семейство в этом году состояло из одиннадцати человек.

Сын его, Павел Андреевич, жил в деревне жены, сельце Гнилое Болото, Кромского уезда Орловской губернии. С ним А. Т. Болотов вел еженедельную переписку. Замужние дочери проживали в деревнях мужей. Внуки служили в армии: Павел Воронцов в Глуховском кирасирском полку; Николай Шишков, известный впоследствии сахаровар, член Вольного Экономического общества — в Малороссийском кирасирском полку.

Меньшая дочь Екатерина безвыездно жила с мужем Александром Ивановичем Пестовым в деревне Сенькине Каширского уезда, в 18 верстах от болотовского Дворянинова. «Состояние их было лучше по доброму хозяйству зятя». «Оба они при старости нашей, — отвечал А. Т. Болотов, — и уединении служили наилучшим утешением», поскольку часто могли видаться.

С Сергеем Андреевичем Болотовым жила одна из его внучек, А. Ф. Бороздина «по обстоятельству, что негодяй отец ее впал в такие распутства и беспорядки, что ей при нем даже было никак невозможно». Среди своих многочисленных друзей и знакомых А. Т. Болотов упоминает, между прочим, Матвея Ивановича Золотухина, жена которого Анна Ильинична оставила после себя записки о 1812 году в Приокском крае Тульской губернии.

С ранней весны до поздней осени А. Т. Болотов, как и в минувшие годы, занимался садами. Осеннее и зимнее время «упражнялся по-прежнему в литературе», более экономическими сочинениями, а «особливо садовой своей книгой». С началом 74-го года, в конце 1811 г., «прильнул» он «опять к сочинениям нравственным». Творчеству посвящал он обычно утро, вставая задолго до света, и вечер «покуда задремлется». Проживал он постоянно в Дворяниново, семья его и сам он «вели порядочную и приятную деревенскую жизнь, удаленную от всякого мотовства и непомерных излишеств». «Что касается до исторических происшествий, — замечает А. Т. Болотов, — то около сего времени все были в ожидании заключения с турками мира».

Интересна его характеристика внутреннего положения страны в начавшемся 1812г. «Все с крайним любопытством, — пишет он, — желали короче узнать о новом изобретении делать из круп грешневых сахар», и в то же время «смекали от бывшего и только что рекрутского набора», который «сам по себе был довольно хорош по беспредельному взяточничеству и лихоимству». «Всякая каналья грабила, словом, век был грабежа и мздоимства беспредельного». «С другой стороны, стонали все от страшной всему дороговизны. Рубли серебряные ходили в 4 рубля, а мелочь больше». Хлеб был дорог, никто так не наживался, как сидельцы-приставы на продаже соли. «Всякий день гребли деньги в карман». «Словом, обстоятельства были со всех сторон дурны и времена тихие, а роскошь и мотовство и высокомерность у всех нимало не уменьшилась, и Москва завеселилась, а в городах тоже распутства выходили из пределов: мужья продавали своих жен, другие разводились».

Несмотря на это, встречей Нового года А. Т. Болотов остался удовлетворен, как и вторым днем, проведенным «по праздничному и довольно хорошо». До рассвета ему удалось начать свой «исторический журнал», а поутру, проводив гостей Пестовых, приступить к переписыванию нравоучительных «утренников».

Первые сведения о начавшейся войне с наполеоновской Францией А. Т. Болотовым были получены из газет в «отменно жаркий» день, четверг 27 июня 1812г., а в Петров день вечером — известие о «вступлении французской армии в пределы России». Неделю спустя, 4 июля 1812 г., он записывает в своем дневнике о готовности тульского дворянского общества пожертвовать 700000 рублей на военные нужды.

В дневнике отмечаются также и менее значительные факты, зачастую и недостоверные слухи, волновавшие тогдашнее общество. Того же 4 июля 1812 г., после поездки в гости в село Каверине, наслышавшись «много вестей», А. Т. Болотов заносит в свой «исторический журнал», что «в Москве пойман какой-то купец, распускавший самим им сочиненную злую прокламацию», сосланный после наказания на каторгу, и еще более ошеломляющую весть о том, что «найден портрет Наполеона на Кремле».

Вернувшись 7 июля от соседки, А. Т. Болотов не оставляет без внимания пронесшийся слух о том, что «было большое сражение и наши разбили маршала Нея» и «что будто самого Бонапарта взяли в плен». 13 июля в дневник заносится достопамятное для всех известие «о скором прибытии государя в Москву для совещания и руководства, как защитить Отечество от врага, угрожающего ему опасностью» и «прокламации государя к Москве». Не ускользают от Болотова и «тревоги местного общества», обеспокоенного «очень нынешним опасным и крайне критическим положением нашего Отечества».

За август «исторический журнал», или дневник, А. Т. Болотова заполнен еще более тревожными фактами. 3 августа 1812г. читаем: «Из Тулы не было еще никакого слуха, а газеты сего дня не столько нас обрадовали, сколько смутили, ибо хотя и сообщено в них было о знаменитых победах над неприятелем, но они что-то не веселили, ибо оказывалось, что всеми нашими уже столь многочисленными поражениями неприятеля мы ничего не выигрываем и теряем только людей, а он лезет да лезет великим усилием своим».

«Встревожены мы были, — записал А. Т. Болотов 14 августа, — известием о взятии Смоленска». Среди вестей, полученных в воскресенье 18 августа, он отмечает «возмущение смоленской рати, кричавшей, что измена, и не хотевшей повиноваться, когда им велено было далее отступать, что пошли они без повеления прямо на неприятеля и армия должна была идти

вслед за ними». В этот же день стало известно о «поручении Кутузову главного начальства над армиями, о приезде его в Москву, о совете с Ростопчиным, об отъезде к армиям и падении Барклая».

Во второй половине августа стали распространяться сведения о том, что противник терпит великую нужду в провианте, что партии его где-то под Вязьмой сожгли большое село, что из Калуги богачи-купцы отправляют своих жен, а в Москву «прислано будто повеление взять все оклады с образов для отвоза их и других церковных сокровищ в безопасное место, что многие вопят против сего, что от Главнокомандующего приказано всем купцам, дворянам не отлучаться от своих лошадей, чтоб было на чем в случае куда отвозить сии сокровища», а в Калужской губернии «велено иметь пикеты и объезды и беречься разосланных зажигателей».

В третьей декаде августа из Москвы пришло письмо от одного из жителей ее, что первопрестольная столица «вся почти пуста, все богачи выехали», едут «превеликими обозами» во Владимир, Ярославль, Казань, Уфу и дальние города, на Инзу, и к Сибири, и «по дорогам — грабительства и убийства».

23 августа Болотов отметил, что пронесся слух, но «недостоверный еще», что якобы «Кутузов разбил под Вязьмой французов», а с другой стороны, был «верный слух о сожжении Вязьмы и овладении оной неприятелем». «Умножились слухи, что из Калуги все бегут и туда с часу на час дожидались неприятеля и что губернатор то и дело посылал гонцов распроедывать».

А совсем недалеко, на левом берегу Оки, в Серпухове, какая-то «арестная прорицательница предсказывала, что 4-го числа сентября убит будет Бонапарт». О себе и дворяниновцах Болотов лаконично записал: «Мы в сей день досеивали рожь, молотили овес, собирали сливы, нарезали табак, крошили и сушили и смущались от часу, неприятнейшими известиями», а в воскресенье 25-го отправили в Алексин своих работников и «судачили все о том, как быть, если неприятель приблизится к самым здешними местам и куда тогда деваться? Страх и опасение повсюду распространились час от часу больше; не знали, что делать, помышляли об уезде куда-нибудь, но слабость матушкина (тещи) останавливала».

Достопамятным для А. Т. Болотова оказался понедельник 26 августа 1812 г. нарядом на подводы «для отвоза провианта из Калуги к армии и сообщениями, что под Можайском готовилось место для генерального сражения, а вечером известием из Алексина, что одного его работника не приняли и что Бог даровал нам победу над французами под Можайском, славную и очень важную по своим последствиями».

На следующий день он поехал в Алексин с дочерью и узнал, что сведения о поражении Наполеона были еще не совсем достоверны, что курьер, присланный от Кутузова к дочери, проживавшей в Тарусе, был не с известием о победе, а с предписанием, чтобы «скорее убиралась из дома и уехала в нижегородские деревни, ибо де есть опасность». Алексинцев все это смутило и Андрей Тимофеевич нашел их «в унынии и расстроенности мыслей». Это смущало несколько и самого его, и он советовался со своими, что делать, если опасность увеличится, и куда уезжать? Но на другой день 28 августа были все обрадованы «неожиданно полученным первым известием о бывшей большой битве и о прогнании его за 6 верст от места баталии».

В ожидании курьера Андрей Тимофеевич пробыл в Алексине до конца августа, наслушавшись всякой всячины, правды и вымыслов, что уехавшие и ушедшие из домов «претерпевают великое зло от разбоев около Тамбова и живут в шалашах и палатках», а шалют более «самые люди сих беглецов»; о милиции московской (ополченцах), что они «в армии употреблялись не столько в дело, сколько взамен солдат для разноса патронов и вытаскивания раненых, а на биваках для варки каш»; о перевозе из Москвы всех царских корон и сокровищ в Казань и Владимир; что Почтамт готовился переезжать во Владимир; о подвозе в Калугу «страшного множества пушек и снарядов», что «французы терпят оскудение уже в ядрах и пулях и стреляют дубовыми обрубками, а вместо пуль пуговицами или рассекая пули на четверть; о привозе в Серпухов раненых 5000 человек и освобождении для них всех фабрик и прислании для лечения их доктора и 6 врачей». Судачили о трусости императора Александра I, о Кутузове и, в частности, о жалком положении, о том, что обе императрицы (мать Мария Федоровна и супруга Елизавета Алексеевна) якобы став на колени, умоляли Михаила Илларионовича принять «команду».

В царский день тезоименитства императора Александра I, 30 августа, А. Т. Болотов и его спутники пошли к обеду в Алексинский собор, где слушали «прекрасную проповедь», зашли в новый собор полюбоваться его отделкой, а оттуда — в присутствие, посмотреть как

набирали воинов. Здесь была получена из Тулы «афишка Ростопчина о бывшей 26 августа большой битве». «Но как в оной ничего не было сказано о пленении короля Неаполитанского и прогнании неприятеля», А. Т. Болотов усомнился в достоверности сообщаемого. Присланное позже добавление к ней успокоило всех совершенно.

«Сим образом, — завершает свой дневник за август 1812г. Андрей Тимофеевич, — провели мы сей весьма смутными обстоятельствами преисполненный месяц, в котором потрясилось все наше Отечество и тысячи нашей братии дворян постижены бедствиями, отчаяниями, беспокойствами, опасностями и самыми разорениями.

Мы же здесь жили все еще под кровом Всевышнего в прежнем мире и тишине и благополучии, хотя не далее, как за 100 верст от нас лилась реками кровь человеческая и бесчисленное множество людей погибало от изверга и злодея».

В спокойствии и тишине для Болотова и его близких начался «наидостопамятнейший месяц для нашего Отечества — сентябрь». Хотя повсюду, в округе, «все смущаемо было беспокойствами ужасными, и не далее как за 100 верст пылало пламя наихудшей и лютейшей войны и лилась реками кровь человеческая». Но уже 2 сентября, в день вступления французов в Москву, Дворяниновы были встревожены слухами, что они уже в 15 верстах, а на бывшей баталии ранен Багратион, убит Кутайсов, сам Кутузов якобы легко ранен, что армия наша «подступилась ближе к Москве и главную свою квартиру имеет за 20 верст».

Подробности обретал слух о том, что «Государь не хотел никак давать Кутузова», но «просили о том императрицы с детьми, стоячи на коленях, и то не помогло». Не возымело действия и представление Государственного Совета, и только, когда сказали ему, что «ежели не будет сего (назначения Кутузова главнокомандующим), то через час лишится он сам короны; сие его испужало и принудило на все согласиться».

Пронесся слух и о том, что в Москву принесли икону Смоленской Божией Матери, а «навстречу ей вынесли Иверскую и в 4 верстах от сей столицы молебствовали». Смутный для всех оказался вторник и 3 сентября. «Еще поутру рассеялась молва, что французы в сей день вступают уже в Москву или уже вступили». Пронеслась она от двух бежавших из Москвы злобинских мужиков (крестьян соседнего села Злобина). Другие беженцы сообщали, что «множество ужасное приведено в нее раненых и пленных», что из Москвы бегут, а иные говорили, что «всю ее заперли и никого более из нее не выпускают», что «сей день происходит конечное и большое сражение; а иные утверждали, что готовится к тому подле Москвы место, что со всех сторон везут в нее всякие орудия и снаряды, а из Серпухова, не взирая на уверения блаженной, что он избавлен будет от напасти, из Калуги бегут и выезжают, что вон тульская дорога покрыта войсками», ушедшими и обозами. «Словом, не только время, но каждый день был весьма критический и, может быть, решительный».

Приехавшие из Алексина дочь с зятем подлили масла в огонь и «пошли у нас смутные мысли, — записал в дневнике Андрей Тимофеевич, — и помышления о том, чтоб собраться к уходу и отъезду из мест здешних». Решили ехать в Елец и «там, наняв квартиру, жить, покуда что воспоследует».

Смутный и достопамятный день 3 сентября закончился тем, что вечером, «как смеркло, показалось опять зарево пожарное в стороне к Москве, и мы ездили к ветряной мельнице оное смотреть и жалели о несчастных, чьи были те селения, которые горели. Говорили, что вокруг Москвы сожигают все оные сами наши, и днем не жгут, а как скоро настанет ночь, то жгут».

Ночью в среду, 4 сентября 1812 г., записал в своем журнале А. Т. Болотов, «проехал курьер и сказывал, что неприятель якобы в понедельник в 7 часу вошел в Москву», а проезжий из Москвы «боярский человек», не выехавший 2 сентября, в понедельник, что «неприятели еще далеко», что «приготовлены им три битвы: одна за 20, другая за 15, а третья подле Москвы — самой. И так, неизвестно, чему было верить; что все транспорты, идущие в Москву, остановились и возвращаемы были из Серпухова назад для опасности, чтоб неприятель не перехватил». «Все ехали из городов и из мест подмосковных. В Серпухове говорили, что прошло еще 12 полков. Словом, ничего подлинного было неизвестно. А ввечеру видно было опять в стороне Москвы превеликое зарево пожаров ни то от сожигаемых вокруг ее деревень, ни то от горения самой Москвы».

В четверг 5 сентября А. Т. Болотов продолжил свой дневник такой записью: «Смутные наши обстоятельства продолжались. Носящиеся в Москве дурные и нелепые слухи смущали. Я послал опять на завод провеживать обо всем обстоятельнее. Между тем приезжает из Алексина гонец к зятю моему, чтоб он скорее возвращался в Алексин, поелику в ночь сию получено

повеление о немедленном выступлении батальонов сих в поход в Тарусу», что «проехал сею ночью в Тулу курьер и сказывал, что неприятель еще за 20 верст, что в Москве великий князь и происходит многое питье и пьянство от солдат, разбивающих погреба купеческие с винами. Далее говорили, что неприятель потянулся к верховью Москвы и к лесам, находящимся в сторону к Петербургу.

Все сие веселие не уменьшало, а увеличивало опасность. Странно было, чтоб он не взял направления на Тулу и Калугу и не пришел в самые сии места. Сие побудило и самого меня начать укладывать и отбирать те книги, которые нужнее мне было спасти от гибели». Наконец, в этот день приехали зять с дочерью и «начались жалкие сцены провожания зятя на службу в Тульское ополчение». Посылалось оно «для прикрытия губернии со стороны Тарусы, либо для преграждения пути французской колонны». «Но, — размышлял Болотов, участник 7-летней войны, — что могут какие-нибудь 1200 человек или хотя бы весь полк мужиков, не имеющих при себе ни пушек, ни ружей. Самый Серпухов был еще без всякого прикрытия, ибо бывшие в нем войска пошли все в Подольск и тут были одни только раненые. В Калуге же происходили тревоги страшные, ибо как находилась она в опасности, то все оттуда уезжали, а говорили, что из самой Тулы собираются все присутственные места и архиерей куда-то уезжать прочь».

В пятницу 6-го числа все слухи о Москве и об армии «запали». Коммуникация вся пресеклась. На завод прислана была мука — печь для больных хлеба. Хотели наряжать с 25 душ подводу в Тулу для вывоза присутственных мест и оружейников.

Весьма смутным днем оказалась суббота 7 сентября. Не успел А. Т. Болотов встать, как «увидел толпу народа, окружающего на улице какого-то человека и расспрашивающих его. Побежал сам туда». «Это был человек Ивана Александровича Ладыженского, посланный от него из Тулы к жене с письмом. И как оное было не запечатано, то и мог его прочесть. Он писал в нем, что вся Тула в тревоге, все выезжают и вывозят дела и прочее. Что начальники сами не знают, что делать. Толкуют, что Москва неприятелем взята, что вошел в нее Бонапартов пасынок без всякой драки; что наша армия подле Москвы нимало ему не препятствовала, что Ростопчин уехал в Ярославль и прочее, и чтоб жена его скорее убиралась и уезжала».

Все это заставило и Болотова «не мешкать, а начать прибираться к месту» библиотеку в ближайшую беседку. С помощью созванных женщин и ребяташек вся она была туда «переселена». После этого он стал «помышлять о лошадях и отъезде». Призвал старосту и крестьян говорить с ними. «Все просят, чтоб он не уезжал и что они готовы с ним жить и умереть». «Я сам, — пишет он, — как-то почти раздумывал отъезжать, а решался оставаться в доме до самой крайности и очевидной уже опасности, а тем паче, что слухи были, что французы хотят итти на Коломну и на Рязань».

Между тем пришло известие и о том, что алексинская милиция (ополчение) расположилась на берегу реки Оки против Тарусы, и в конце-концов А. Т. Болотов со всеми домочадцами решились остаться, «заключая, что нет дальней опасности».

А после обеденного отдыха ему стало известно, что «Москва действительно занята» неприятелем, что «он вошел в нее спокойно и без всякого препятствия со стороны Твери, что вошел, зажег ее с четырех сторон и что несколько дней она горела и видимое зарево было от сего пожара»: что «главная квартира нашей армии уже в Подольске и скоро перейдет в Серпухов, где велено еще два моста сделать» и что «намерена перейти на нашу сторону и тут дать с неприятелем баталии и защитить Тулу, куда оный стремится». «Весь день простоял теплый и ясный и зарева не было видно».

Как свидетельствует А. Т. Болотов, достоверные вести о Москве услышал он только 8 сентября: «Неприятели действительно в нее вошли и обобладев оной производили разные грабительства и беспорядки, что было сие 2-го числа сентября почти в сумерки. Но удивительно то, что за несколько до того часов велено всех будочников и бывших на заставах снять. Сказывали сие убежавшие из Москвы и пришедшие в сей день Барнашовых люди, которых они (оккупанты. — *Н. М.*) заставляли мести двор и конюшню, давать лошадям своим корм, потом водили их по городу, взвалили им на спину пуда по три муки, послали нести в их лагери, а оттуда они кое-как ушли в лес и двое суток не ели и видели пожары кой-где в Москве; насилиу пробрались домой».

По слухам и молве современников, «все нещастие Москвы произошло от обмана Наполеона. После бывшей баталии 26 числа было, сказывают, сделано перемирие на самое короткое время для разбору и погребения убитых тел. Но в самое то время, когда наши,

особливо московская милиция, занимались разбором тел, он не устоял в слове и напал на наших, множество побил и тем расстроил всю ничего не опасующуюся армию, которая должна была спешить к Москве, и тут, в расстройстве потеряла Москву; что все правительство наше все расстроилось; о государе никто не знает где он, никто не получает ни указов, ни повелений, что все губернаторы стали как овцы без пастыря и сами собою уже управляют всеми делами, собирая все палаты и начальников для совета; что в Туле сами собою решили укладываться и перевозить все дела в Ефремов, а и в Алексине к тому же готовятся из опасения французов; что Москву отдали сами с общего Военного Совета для спасения зданий от разорения и избежания пролития напрасно крови человеческой; что есть слух, что в соборы не могли никак воитить, как ни силились, что изрубили только двух попов, оставшихся в Москве и не хотевших пускать их в церковь». «Наконец, что нет теперь здесь (в Приокском крае) никакой опасности», так как жители «прикрыты рекой и армиями».

Несмотря на это, и пятница 13 сентября прошла, по словам А. Т. Болотова, «между страхом и надеждой». В 10-м часу он и его домочадцы встревожены были «скоропостижным нарядом в Тулу с каждых 25 душ по подводе с провиантом на неделю», для чего — не было сказано, но все не сомневались, что «назначались они для вывоза из Тулы либо оружейников, либо всех присутственных мест в Ефремов, ибо, по всему видимому, предстояла опасность и самой Туле от неприятеля». Надежда остаться дома «начала опять колебаться». Но слухи о том, что «наша армия продвинулась несколько вперед», и что «беглецы» возвращаются обозами в Серпухов, что ждут «решительной битвы», а «все армейские начальники присягнули в том, что умереть или победить» ободряли.

После обеда 14 сентября А. Т. Болотова навестила давняя знакомая соседка-помещица А. В. Злобина, привезла абрикосов и рассказала о своей поездке в Тулу, в которой «все были в превеликой тревоге, что все письменные дела уложены уже будто на воза, что собирались отправлять оружейников в Сибирь, что вся торговля остановилась, что все лавки заперты, а в наемке лошадей была страшная дороговизна, ибо все имущество свое отправляли по городам к своим знакомым. Судьи (чиновники) все вывезли своих жен, а сами еще остались; что оружейники не хотят ехать в Сибирь, а лучше желают иттить на войну»; что «сам архиерей уехал в Новосль, но за ним посылали, и он возвратился и несколько часов был взаперти с губернатором и советовался, что лучше делать и остался потом тут, что всему была страшная дешевизна, ибо никто ничего покупать не хотел; что пушек навезено превеликое множество. Словом, все было в великом волнении и сумятице и более оттого, что никто не знал, где государь и не получались от него никакие повеления». Во время ужина «видели опять зарево, в московской стороне больше».

Множество различных слухов в последующие дни не успокаивали, а более смущали, «все единогласно твердили, что французы еще в Москве и хозяйствуют в ней разбойнически: грабят, разоряют и опустошают дома и даже иные зажигают, отыскивают в домах все спрятанное и закопанное, съестное все и платье забирают, а чего не можно с собой унести, колют, рубят и ломают, не щадят даже и церковей самых и обдирают оклады и иконы колют, а свечи поставные зажигают, ходят как с факелами по улицам, пьют и буянят, заставляя печь хлеба».

Молодых и годных в службу людей обирают и, раздевая донага, отводят в лагерь к себе; что у Ивановской колокольни сбита пушкой глава; что в городе осталось тысяч десять наших раненых и больных, коих некогда было вывезть, ибо в одни ворота они входили, а в другие наши еще выходили, что у многих господ остались в Москве дома со всеми припасами, мебелиями, а у иных и с лучшим их имуществом, кои не успели они никак вывезти, и они претерпели несметные убытки, ибо все сие досталось в жертву французам так, как сущим разбойникам. У многих самые дома, стоящие многих тысяч, погорели. Ряды все с купеческими товарами разграблены и сожжены, и Наполеон теперь одевает все свои войска и в платье, и в обувь, и довольствуется найденными в Москве съестными припасами.

Все сие подтвердила девка, прибежавшая из Москвы в Сенино госпожи Бибиковой и убежавшая отсюда в четверг, т. е. 5 сентября, и обходившая далеко кругом по лесам и питавшаяся двое суток одною только рябиной в лесах. Далее сказывала она, что все не могут начудиться и не постигают никак, как это удалось, что Москву наши сами отдали без всякого сопротивления и что всего чуднее то, что в городах Кашире и Серпухове секли даже тех кошками, кои разглашали известие, что Москва взята злодеем: не говори того! А знай, что ее необходимо и неотменно для нашей же пользы отдать было надобно. Словом, все сие составляло и по сие еще время неразрешимую загадку. Шепотом же между собою много

говорили, что едва ли и сам, бывший при армии цесаревич, не столкнулся с Бонапартом, обещавшим возвести его на престол, и что будто он вместе с ним и, схватясь рука об руку, в Москву въехал и потому де и стрелять было невозможно, а выпалили де из одной пушки и почему бросили оружие».

Передавали, что «ожидали ежечасно революции и новой присяги». Напротив того, иные говорили, что «цесаревича теперь нет уже при армии, и он находится будто бы уже в Казани, но оттуда его не выпускают. А о государе нет ни духа, ни послушания. Словом, что все государство висит теперь на волоске и стоит на краю неизобразимых бедствий и пагубных следствий».

Все сие хотя, может быть и сущее вранье, однако перешепоты такие приводили мысли в великое смущение, ибо, Боже сохрани, чтоб при таких смутных обстоятельствах не произошло междуусобия и не последовала бы нам, дворянам, совершенная пагуба, ибо на цесаревича не великая была надежда по его известному всем характеру и ненависти, дворянам от него доброго ничего ожидать было невозможно».

Далее говорили, что от Главнокомандующего армиями (Кутузова М. И.), при котором находится теперь и Ростопчин, дано было нашему губернатору (тульскому) через курьера знать, чтоб они в Туле ничего не боялись, что они и здешние места находятся вне опасности, а «чтоб приказано было везде в деревнях ловить разбежавшихся из армии многих солдат всякого рода и грабящих деревни и зажигающих, и что де самое сие и уверение, что французы не пойдут и не пустятся иттить по сей дороге в Тулу и успокоило сей город и остановило вывоз из него письменных дел».

Но «некоторое сумнительство и опасение» у А. Т. Болотова и его современников вызывало то, что французы стояли за Подольском и «не вздумали бы» они обойти армию и «грязнуть на Серпухов». В размышлениях о «крайне критических обстоятельствах и положении дел» провел он утро вторника 17 сентября. «А чем более он мысленно обозревал все положение дел», тем более увеличивалось «смущение душевное».

«Оставление с стороны малодушного государя всего здешнего края на произвол судьбы», ибо если «положить, что наши допускают его (Наполеона) самому собою изнуриться голодом и стужей и хотят его тут совсем истребить и тем дело кончить», то «удастся ли сие», такой «всемирный злодей нескоро и нелегко даст себя истребить». «Почем знать, не затевает ли он грязнуть куда-нибудь в сторону? Не происходят ли действительно какие-нибудь неизвестные нам дела, клонящиеся к какому-либо перевороту в правительстве?» «А по всему сему едва ли можно и ласкать себя надеждой, чтоб нам удалось совсем всю его армию здесь, как пойманную в тенета, истребить и ему самому дать карачун совершенный, чем бы одним могло все кончиться. Ежели же допустить его прорваться в наши степные и хлебные губернии, то зло еще увеличится и его трудно будет оттуда выжить, но он все оные разгромить может и наделает неисчислимые бедствия и расстройки. Да хотя бы и удалось его прогнать назад, то не должна ли будет наша армия итти вслед за ним по местам, совсем опустошенным, и терпеть сама нужду и недостаток во всем». «А как теперь уже стужа настает, и зима приближается, то Богу известно, что в сие последнее лето произойдет и в каком положении зима и нас и неприятеля застанет».

Раздумья А. Т. Болотова прервал приехавший давний знакомый А. А. Никулин, рассказавший «многое множество», в частности и о том, что «в Туле князь Щербатов открыл за полицмейстером плутни: отпускал куда-то ружья, давал билеты и нажил многие тысячи, и его откинул, и сам отправляет теперь полицмейстерскую должность, и очень проворный; что у него с армией восстановлена летучая почта; что он Конный свой полк уже сформировал и он вокруг Тулы имеет свои разъезды; что хотят в их полк прислать 500 ружей для первой шеренги; что у них 3000 волов пасется по лугам для армии; что наша армия умышленно избегает сражения, дабы не изнурять людей и изнурить неприятеля, со всех сторон окруженного».

Размышления и разговоры о том, что армия Наполеона двинется на Серпухов, как писал в своем журнале-дневнике А. Т. Болотов, а затем и дальше, на Тулу, не прекращались и в последующие дни. Семейство его начало снова готовиться к отъезду в деревню зятя Головине, Крапивенского уезда.

В ненастное дождливое утро 19 сентября все засуетились, но Андрея Тимофеевича «руки на все не поднимались», и он послал в Серпухов «человека узнавать, что там происходит». Высланные из Владычня монастыря чернички говорили, что «Серпухов хотят сжигать и что будто бы тут сам великий князь». Последнее А. Т. Болотов расценил, как

«совершенное вранье». Часа за два до обеда в этот день заехал к нему зять Ф. И. Бородин, отец внучки Александры, служивший в егерском полку Тульского ополчения. Все полки Тульского ополчения занимали оборону по реке Оке для защиты ее и Тулы. Бородин рассказывал, что Епифань и все степные города набиты битком дворянством и «все терпят нужду, и страх на дворян такой там, что даже из епифанских и крапивенских мест все уезжают из одного места в другое».

Но вслед за этим последовали «приятные вести». Перед самым отъездом зятя заехал дворовый другого зятя (Пестова А. И.) и сказал, что «третьего дни было сражение около Красного Пахрина, и наши победили и прогнали французов далее, и он там видел убитых французов», а «в Серпухове и войска мало и нет никакой опасности».

В этот же день с новостями заехал приятель А. Т. Болотова «Ладыженский Александр Иванович и наказывал всех прежних больше и многое подтвердил слышанное» и, в частности, то, что «снятие на Оке мостов предписано было городничему и исправнику, ежели покажутся партии неприятельские подле Серпухова и станут прорываться к Оке». Рассказывали и о том, «какие славные поступки оказывает князь Щербатов и какая трогательная церемония была при выходе тульского ополчения из Тулы, и как все построено было на лугу оное, и архиерей сам кадил все войско и, отслужив молебен с коленопреклонением, кропил все войско святой водой».

Поведал он еще и то, что «комитет Тульский, управляющийся сам собою, затевает сформировать еще один полк из 500 остающихся ратников, 500 семинаристов, из 500 и более купцов и мещан, чтоб полк сей был в Туле для защиты оной и что будет формировать его Доброклонский».

Как много нахватано мародеров и как жестоко их князь наказывает и через то поуменил оных и теперь затихло», что из Тулы все бумаги вывезены и суды (присутственные места) закрыты, кроме Губернского правления, казначейства и почтамта; что учреждена летучая почта с армией казаков, передающих друг другу письма через 5 верст, князем Щербатовым; что сей будет служить в армии со своим полком. И все его не могут расхвалить за поступки; что хотят еще собрать лошадей с дворянства; что оружейников посылать в Сибирь отменил сам Кутузов; что все господа выслали своих жен из Тулы и остались одни; что у купцов все уложено на возах и они платят ямщикам страшные суммы за то, чтоб лошади для них были готовы; что в Туле производится опять торговля хлебом и прочая и что многие уехавшие возвращаются обратно, как и в Калугу опять едут».

Дальнейшие события успокоили «смущенный дух» болотовского семейства и окружения «наиприятнейшей надеждой», что они «останутся от неприятеля невредимы» и станут по-прежнему «жить и доживать свой век дома».

Последнюю запись в журнале-дневнике Болотов сделал на святках, во вторник 31 декабря. В этот день ездил Андрей Тимофеевич с женой и внучкой к одному из своих давних знакомых Д. А. Огаркову, у которого провел весь день. «Стол, — отмечает А. Т. Болотов, — был вкусный и сытный, а после обеда гремела музыка и дети прыгали и танцевали. А начало тому сделали мы сами с Данилом Артемьевичем несмотря на старость и потанцевали польской и возвратились домой уже при огне».

Навестившая их соседка по имени Злобина сообщила «вести, полученные в ту минуту от приехавшего из Алексина солдата и сказавшего, что вчера (30 декабря) в вечер получена бумажка с извещением, что Бонапарта, наконец, поймали и что исправник наш, сказывая сие, прыгал от радости, и бумажка летает по городу, и все ее списывают и веселятся. Все мы верили тому, и нет, и желали, чтоб было то правда».

Как достойное памяти потомков, А. Т. Болотов отметил также сообщение Огаркова, который рассказал ему о беспорядках делаемых тульским губернатором и «стрельбе ночью из пушек при случае гуляния его у откупщика, и что весь город тем потревожен был и не знали, что думать, и что прокурор о сем отнесся в свое место и от губернатора потребовал отчет в таковых и многих других беспорядках. Им хотелось прокурора изгнать и сделали было, но Сенат утвердил его в прежнем месте».

Так завершил писатель-мемуарист «сей навек в истории веков и для всех» достопамятный 1812 год. Издание дневника А. Т. Болотова существенно обогатило бы мемуаристку и историческую науку об Отечественной войне 1812 года.